

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.042-051

В. А. Гончарова*

Компенсация морального вреда потерпевшим от преступлений в контексте противоречий высших судов

Аннотация. Вопросы применения норм о компенсации морального вреда как о способе защиты прав лиц, потерпевших от преступлений, традиционно являются одними из самых дискуссионных. Проблемы установления оснований компенсации, а также определения ее размера, соответствующего степени вины нарушителя, характеру страданий потерпевшего и иным заслуживающим внимания обстоятельствам, на всем протяжении действия норм обновленного ГК РФ приковывали внимание не только представителей цивилистической доктрины, но и высших судебных инстанций. В большинстве случаев формулируемые последними выводы находились в полном соответствии с нормами гражданского законодательства, не противоречили друг другу и в своем комплексе обеспечивали единообразие в применении положений о компенсации морального вреда и должную защищенность прав потерпевших граждан. Однако анализ издаваемых на протяжении последних двух лет актов Верховного и Конституционного судов свидетельствует о наличии в их подходах существенных противоречий к определению оснований допустимости компенсации и особенностей ее применения, что всё более отражается на региональной и кассационной судебной практике. Так, в противоречии с устоявшимися позициями Верховного Суда находятся положения, сформулированные Конституционным Судом в постановлении от 26.10.2021 № 45-П, где последний, по существу, сформулировал презумпцию наличия моральных страданий у лица при совершении против него любого преступления, а также в постановлении от 02.03.2023 № 7-П, где он допустил возможность компенсации морального вреда в пользу лица, по определению не способного эти страдания нести, — ребенка, не родившегося к моменту смерти своего родителя. Подобный нарратив, безусловно, не может быть оценен положительно и нуждается в основательной доктринальной оценке.

Ключевые слова: компенсация морального вреда; моральные страдания; способ защиты гражданских прав; потерпевший; судебная практика; нематериальное благо; личное неимущественное право.

Для цитирования: Гончарова В. А. Компенсация морального вреда потерпевшим от преступлений в контексте противоречий высших судов // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 42–51. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.042-051.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00496).

Moral Damage Compensation to Victims of Crimes in the Context of Contradictions Existing between Higher Courts

Valeria A. Goncharova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law;
Senior Researcher, Laboratory of Social and Legal Studies, Tomsk State University
pr. Lenina, d. 34, Tomsk, Russia, 634050
valeria.goncharova.93@bk.ru

Abstract. The issues of applying the rules for moral damage compensation as a way to protect the rights of victims of crimes are traditionally among the most controversial. The problems of establishing the grounds for compensation,

© Гончарова В. А., 2023

* Гончарова Валерия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета
пр. Ленина, д. 34, г. Томск, Россия, 634050
valeria.goncharova.93@bk.ru

as well as determining its size, corresponding to the degree of fault of the offender, the nature of the victim's suffering and other noteworthy circumstances, throughout the validity of the norms of the updated Civil Code of the Russian Federation, attracted the attention of not only representatives of civil doctrine, but also of higher judicial instances. In most cases, the conclusions formulated by the latter were in full compliance with the norms of civil legislation, they did not contradict each other and in their entirety ensured uniformity in the application of provisions on compensation for moral damage and due protection of the rights of injured citizens. However, an analysis of the acts of the Supreme and Constitutional Courts issued over the past two years indicate that there are significant contradictions in their approaches to determining the grounds for the admissibility of compensation and the specifics of its application, which is increasingly reflected in regional and appellate judicial practice. Thus, in contradiction with the established positions of the Supreme Court are the provisions formulated by the Constitutional Court in Resolution No. 45-P of 26.10.2021, where the latter, in essence, defined the presumption of moral suffering in a person when the crime against him is committed, as well as in Resolution No. 7-P of 02.03.2023, where the Constitutional Court provided for the possibility of compensation of moral harm in favor of a person who, by definition, is not able to bear these sufferings — a child who was not born at the time of his parent's death. Such a narrative, of course, cannot be evaluated positively and needs a thorough doctrinal assessment.

Keywords: compensation for moral harm; moral suffering; method of protection of civil rights; victim; judicial practice; intangible benefit; personal non-property right.

Cite as: Goncharova VA. Kompensatsiya moralnogo vreda poterpevshim ot prestupleniy v kontekste protivorechiy vysshikh sudov [Moral Damage Compensation to Victims of Crimes in the Context of Contradictions Existing between Higher Courts]. *Lex russica*. 2023;76(8):42-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.042-051. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Scientific Foundation (project № 22-18-00496).

Обновленные в конце 2022 г. разъяснения Верховного Суда РФ, посвященные применению норм о компенсации морального вреда и сформулированные в виде постановления Пленума от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», разрешили ряд важных проблем, связанных с защитой прав граждан за счет возмещения им понесенных в силу тех или иных причин моральных страданий. Многие выводы, сделанные в данном постановлении, органично «синхронизированы» с соображениями, уже ранее высказанными Верховным Судом в постановлениях от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», а также от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу». В рамках приведенных актов высшей судебной инстанцией были сформулированы базовые, в целом теоретически и законодательно обоснованные подходы к определению основания и условий компенсации морального вреда, на протяжении долгого времени обеспечивавшие единообразие в применении норм данного правового института. Новые же разъяснения, безуслов-

но местами с доктринальных и практических позиций не бесспорные, были нацелены в том числе на аккумулирование и систематизацию всех положительно зарекомендовавших себя подходов с учетом меняющихся и усложняющихся общественных отношений.

Так, особое внимание Верховным Судом РФ в обновленном постановлении было уделено допустимости компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав лица (п. 4, 5 постановления). В продолжение выводов, сформулированных в приведенных ранее постановлениях, посвященных гражданскому иску и участию потерпевшего в уголовном судопроизводстве, высшая судебная инстанция вновь указала на возможность применения компенсации при одновременном с нарушением имущественных прав нарушении и личных неимущественных прав или посягательстве на нематериальные блага. Системное толкование положений п. 4 и 5 нового постановления не оставляет сомнений в применимости подобного толкования и при совершении преступления против собственности: лишь особая немущественная ценность уничтоженной, похищенной или поврежденной вещи и ее связь с нематериальным благом или немущественным правом, а не только факт совершения преступления обуславливает возможность компенсировать потерпевшему его моральные страдания.

Актуальность, по всей видимости, сохранили (в силу их неопровержения в новом постановлении) и ранее сделанные Верховным Судом РФ выводы о том, что при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суд должен учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Един лишь факт наличия родственных отношений не является достаточным для применения данного способа защиты (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1).

Данное положение традиционно поддерживалось и поддерживается на уровне практики региональных судов. Так, в одном из дел кассационный суд, соглашаясь с выводами апелляционной инстанции и отказывая в компенсации морального вреда братьям скончавшегося в результате преступления лица, указал, что «наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда, судом апелляционной инстанции при определении размера компенсации морального вреда было учтено, что погибший Г. В. не вел совместное хозяйство с истцами, совместно с ними одной семьей не проживал. Также судом апелляционной инстанции было принято во внимание имущественное положение ответчика, наличие на иждивении двух несовершеннолетних детей... наличие у погибшего иных родственников, которые могут обратиться за компенсацией»¹.

Впрочем, несмотря на наличие приведенного базового постановления, потенциалу которого еще предстоит раскрыться, а также иных актов Верховного Суда РФ, подход к толкованию правовых норм, посвященных компенсации морального вреда, за последнее время существенно изменился, причем, как представляется, далеко не в лучшую сторону. Причиной тому — выводы, сделанные Конституционным Судом РФ в его

знаковых постановлениях от 02.03.2023 № 7-П и от 26.10.2021 № 45-П, практически во всем противоречащие актуальным позициям Верховного Суда РФ. Объединяющим звеном данных постановлений является введение Конституционным Судом РФ своего рода предположений, текстуально напоминающих презумпции, о причинении морального вреда определенным лицам в силу их положения, семейного статуса либо их нахождения в определенной психотравмирующей (в широком смысле) обстановке.

Прежде всего, следует заметить, что само понятие презумпций как особых юридических конструкций в доктрине российского права четко не определено; вопросы же их выявления в тексте нормативных правовых актов не разрешены однозначно. В целом отечественная теория права, а также имеющиеся отраслевые исследования различных периодов свидетельствуют о постоянном и пристальном внимании ученых к понятию правовой презумпции и ее функциональному назначению². Одним из первых теоретиков, обративших внимание на презумпции как особый феномен в конструировании правовой нормы, был Д. И. Мейер, писавший об их способности как устранять споры между участниками правоотношений, так и ускорять разбирательство по делу³.

На советском этапе развития права вопросы толкования и применения правовых положений, содержащих в себе презумпции, рассматривались как в рамках общетеоретических монографических и диссертационных исследований, так и на уровне отраслевых работ⁴. В тот период подчеркивалось, что с сущностных позиций презумпция является «нормативным закреплением того порядка отношений, который признается обычным, постоянным, нормальным и обладающим поэтому максимально высокой степенью вероятности»⁵.

Значительное внимание феномену презумпций уделяют и современные исследователи, отмечающие их особое назначение в виде

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2022 № 88-7610/2022.

² Об этом см.: Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М.: Инфра-М, 2014.

³ Приводится по: Булаевский Б. А. Указ. соч.

⁴ Бабаев В. К. Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Горький, 1974 // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 15–22; Воложанин В. П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953. 15 с.; Качур Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 216 с.; Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1976. 190 с.

⁵ Бабаев В. К. Указ. соч. С. 17.

устранения противоречий в правовом регулировании, предотвращения правовой неопределенности, а также — за счет всего изложенного — минимизации трудностей в правоприменении. Указывается, что презумпции, несмотря на их очевидное процессуальное значение для целей распределения бремени доказывания, влияют и на материальное правоотношение, определяя права и обязанности сторон⁶. Как подчеркивает М. Н. Бронникова при характеристике презумпций в гражданском праве, последние, будучи закрепленными в гражданско-правовой норме или в условии договора правилами, содержащими предположение о характеризующем субъект гражданского правоотношения, или объект гражданских прав, или юридический факт признаке, который может быть опровергнут, сложны в собственном выявлении⁷. Автор обращает внимание на то, что при всей внешней ясности содержания конструкции презумпции как опровергаемого предположения действующее законодательство в целом и гражданское в частности не отличаются единообразием в нормативном закреплении презумпций. Данное обстоятельство вызывает трудности в правоприменении при распределении бремени доказывания и в конечном итоге в разрешении гражданского спора.

В числе выполняемых презумпциями функций, помимо обозначенных выше и нацеленных в большей степени на упорядочивание правоприменения, в современной литературе также выделяются такие функции, как «признание интереса, реализация интереса, обеспечение интереса, защита интереса»⁸. Данная особая роль презумпций, а также заложенный в них потенциал, направленный на перераспределение в установлении юридически значимых обстоятельств, соответствующий предполагаемой социальной норме, позволяет согласиться с позицией о том, что «местом формирования» нормы, содержащей презумпцию, может быть исключительно закон, но не акт судебной власти какого бы то ни было уровня⁹.

С одной стороны, как свидетельствует анализ действующих постановлений Верховного Суда РФ, в ряде случаев суд — без опоры на гражданское законодательство — предпола-

гает причинение лицу моральных страданий, например при причинении вреда здоровью потерпевшего лица. Так, по смыслу абз. 1 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 причинение вреда здоровью гражданина само по себе свидетельствует о наличии оснований для компенсации морального вреда, установлению же в судебном разбирательстве по такой категории дел подлежит только размер компенсируемой суммы. С другой стороны, представленный подход высшей судебной инстанции содержит в себе лишь толкование законодательных положений: определение морального вреда в том числе как физических страданий, очевидно, означает, что любой физический вред здоровью лица влечет возможность компенсации. В этой связи приведенные положения п. 32, хотя внешне и напоминают презумпцию, *предопределяющую* право на компенсацию, по существу, таковой не являются. Закономерно также, что с учетом понятия морального вреда в целом его наличие у лица при посягательстве на его здоровье ни при каких условиях не может быть опровергнуто.

Иная — достаточно опасная — тенденция складывается на уровне подходов Конституционного Суда РФ, который в своих постановлениях подчас вводит самые настоящие презумпции причинения моральных страданий гражданам. Так, в постановлении от 26.10.2021 № 45-П Суд указал на то, что статья 151 ГК РФ «как таковая не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина любого преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет лицу физические или нравственные страдания». Подобная формулировка не только идет вразрез со сформулированными ранее Верховным Судом подходами и положениями ГК РФ в целом, но и — что гораздо хуже для целей единства практики и толкования законодательства — безгранично расширяет случаи применения компенсации морального вреда как способа защиты прав

⁶ Бронникова М. Н. Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 8.

⁷ Бронникова М. Н. Указ. соч. С. 3–4.

⁸ Булаевский Б. А. Указ. соч.

⁹ Бронникова М. Н. Указ. соч. С. 8–9.

лиц, потерпевших от имущественных преступлений. В логике Суда выходит, что любое такое преступное посягательство по умолчанию может затронуть достоинство потерпевшего, а следовательно, дать ему право на возмещение собственных моральных страданий; иное же может быть опровергнуто причинителем вреда.

В то же время анализ ситуации, ставшей предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, показывает, что оснований для подобного рода притянутых и не основанных на законе умозаключений у него не было вовсе: моральные страдания лицу были причинены отнюдь не совершенными в его отношении мошенническими действиями работников патологоанатомического учреждения, вопреки требованиям закона выдавших ему тело скончавшейся матери за плату, а самой невозможностью должным образом проститься с ней, отдать дань уважения близкому родственнику. В контексте открытого характера перечня нематериальных благ ст. 150 ГК РФ, на который, кстати, обратил внимание Верховный Суд в новом постановлении, речь в анализируемом деле шла, вероятно, о нарушении личного немущественного права на уважение родственных и семейных связей, права на уважение тела после смерти, права на достойное погребение, на которые, к слову, ранее обращал внимание сам Конституционный Суд РФ¹⁰, но не о моральных страданиях в связи с потерей уплаченных денежных средств.

Всё это видится особенно опасным и в контексте того, что, собственно, в целом понимается под достоинством личности. Как отмечается в литературе, достоинство представляет собой «защищаемое правовыми нормами нематериальное благо, представляющее собой положительную самооценку индивидом своих моральных, нравственных, интеллектуальных и профессиональных качеств»¹¹, «внутреннюю оценку личности, осознание ею собственных

личных качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения, а также ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (к примеру, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (к примеру, национальное достоинство)»¹². Особого мнения придерживается Е. М. Подрабинок, с позиции которой «достоинство — это такое нематериальное благо, которое проявляется в следующих аспектах: 1) в самооценке личности; 2) в уважительном отношении к личности»¹³. В последнем случае имеется в виду «уважительное отношение к личности со стороны общества в целом и отдельных его субъектов, которое проявляется в том, что у лица, независимо от его заслуг и достижений в обществе, не появляются основания чувствовать нравственные страдания, переживания, обиду, унижение от жестокого или унижающего человеческого достоинства отношения, от оскорбления, от осуществления кем-либо своих прав с намерением причинить вред»¹⁴. Иными словами, достоинство — это самооценка, измеримая исключительно ее владельцем и лишь ему доступная для восприятия. Допущение возможности защиты достоинства изолированно от иных нематериальных благ формирует поле для злоупотреблений, поскольку ставит применение компенсации морального вреда в зависимость от воздействия на, по существу, недоступное для восприятия благо, различное по содержанию у всех участников оборота. На данное обстоятельство иногда указывается в исследованиях, авторы которых исходят из возможности защиты достоинства лишь одновременно с защитой чести личности¹⁵.

Формально позицию Конституционного Суда РФ можно довести до крайности, допустив возможность предъявления требований

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 № 8-П ; определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О.

¹¹ Самородов Д. А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

¹² Безроднова Д. В. Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 9, 98.

¹³ Подрабинок Е. М. Особенности гражданско-правовых способов защиты достоинства личности // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 267.

¹⁴ Подрабинок Е. М. Указ. соч. С. 267.

¹⁵ Каменева З. В. Содержание субъективного права человека на честь и достоинство // Адвокат. 2014. № 4. С. 21–23.

о компенсации морального вреда лицам, осужденным за хранение и перевозку наркотиков, за хулиганство и пр., поскольку не исключено, что и в этом случае происходит посягательство на достоинство лица, заявляющего такие требования и выступавшего, например, свидетелем по соответствующему уголовному делу. Резонно допустить удовлетворение требований о компенсации морального вреда, понесенного лицом в результате совершения любого преступления не только против собственности (гл. 21 УК РФ), но и, например, против общественной безопасности и общественного порядка (разд. IX УК РФ), поскольку последние, равно как и имущественные преступления, могут негативно воздействовать на достоинство личности. При этом стоит заметить, что в целом неясно, как, например, кража или мошенничество, иное преступление могут посягнуть на внутреннее восприятие лицом самого себя.

Примечательно то, что рассматриваемое постановление Конституционного Суда РФ было вынесено до публикации новых разъяснений Верховного Суда РФ и могло быть учтено им при их формировании, чего, однако, в силу неизвестных причин не было сделано. Данное обстоятельство оставляет открытым вопрос о соотношении позиций высших судов, что на практике уже выливается в существенные противоречия в правоприменении даже в рамках одних кассационных округов. Так, одни суды со ссылкой на прежние разъяснения Верховного Суда указывают, что сам факт совершения преступления, например кражи или грабежа, недостаточен для компенсации потерпевшему морального вреда и необходимо установить нарушение личного неимущественного права или посягательство на нематериальное благо¹⁶. Другие, напротив, обращают внимание нижестоящих судов на необходимость более детального исследования моральных страданий со ссылкой уже на позицию Конституционного Суда РФ¹⁷. Третьи, в свою очередь, просто указывают на недоказанность наличия нравственных страданий у потерпевшего от преступления¹⁸.

Еще дальше в определении основания для компенсации Конституционный Суд пошел в недавнем постановлении от 02.03.2023 № 7-П, признав по умолчанию право на возмещение морального вреда за ребенком при причинении смерти его родителю. Не вдаваясь в фабулу дела, заметим лишь, что принципиальной особенностью рассмотренного Судом дела явилось то обстоятельство, что на момент смерти потерпевшего его ребенок не просто не знал своего отца, но еще не был рожден, находился в утробе матери, а следовательно, с точки зрения ст. 17 ГК РФ не приобрел гражданскую правоспособность вовсе.

Доводы Суда в этом деле напоминают мотивировку постановления от 26.10.2021 № 45-П. В первую очередь Суд отмечает формальное отсутствие в законодательстве запрета на компенсацию морального вреда лицам, которым «физические или нравственные страдания причинены в результате утраты близкого человека, в том числе когда к моменту его смерти или наступления обстоятельств, приведших к ней, член семьи потерпевшего (его ребенок) еще не родился». В качестве аналогии Суд использует пункт 1 ст. 1088 ГК РФ, устанавливающий право ребенка, родившегося после смерти потерпевшего (кормильца), на возмещение имущественного вреда. В то же время видится, что подобная аналогия абсолютно некорректна: законодательное наделение ребенка правом на получение содержания вследствие смерти его родителя обусловлено необходимостью обеспечения ему нормального уровня жизни (ст. 80 СК РФ), а не покрытия моральных страданий, которые такой ребенок не мог и не может нести по определению. Гражданское законодательство, кроме того, с учетом ст. 150 и 151 ГК РФ не должно конкретно устанавливать каждый случай допустимости компенсации, опускаться на уровень казуистики: для определения оснований для возмещения моральных страданий лицу используется общее учение об условиях и основании деликтной ответственности. Последнее же традиционно определяется в литературе именно как вред, наносящий у лица и —

¹⁶ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022 № 88-1304/2022.

¹⁷ Определение Первого кассационного суда от 25.05.2022 № 77-2423/2022 ; кассационное определение Второго кассационного суда от 17.05.2022 № 77-1547/2022 ; кассационное определение Третьего кассационного суда от 17.02.2022 по делу № 77-433/2022 ; кассационное определение Четвертого кассационного суда от 29.09.2022 № 77-3847/2022.

¹⁸ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2021 № 88-25358/2021 ; постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2022 № 77-2054/2022.

в случае морального вреда — осознаваемый и квалифицируемый им именно как страдание. Отсутствие страданий вследствие совершения противоправного действия или бездействия влечет невозможность применения рассматриваемой меры ответственности как таковой.

Таким образом, то, что ГК РФ не содержит запрета на компенсацию морального вреда таким лицам, следует толковать не как якобы следующую из ГК РФ возможность компенсировать им моральный вред, а как требование установления страданий, причиненных лицу. Если на момент смерти родителя ребенок не был рожден, то он не знал своего родителя, его гибель не могла повлечь у него никаких страданий.

Далее Конституционный Суд, указывая, как и в постановлении от 26.10.2021 № 45-П, на разъяснения Верховного Суда РФ в части компенсации морального вреда при смерти близкого родственника, делает, однако, диаметрально противоположный вывод и пишет, что «эта позиция [п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1] в полной мере применима в конкретной жизненной ситуации, обусловленной смертью одного из родителей, когда факт причинения морального вреда ребенку во всяком случае должен предполагаться, в том числе если на момент смерти отца ребенок еще не родился». Иной подход, по мнению Суда, существенно нарушил бы права детей, родившихся к моменту смерти их родителей.

Однако имеющийся законодательный подход и основанное на нем толкование Верховного Суда РФ, допускающие компенсацию лишь при наличии установленных страданий, сами по себе ничего не нарушают. Напротив, необходимость подтверждения факта страданий и следующее из него возложение ответственности на причинителя вреда делает компенсацию морального вреда справедливой в применении. Здесь в равной степени, во-первых, учитывается реальный, а не надуманный вред, причиненный лицу, который должен был осознаваться причинителем, а во-вторых, определяется предел в наказании последнего, достигается правовая определенность. Иными словами, за счет такого регулирования виновное лицо осознает, какие последствия имеет совершенное им деяние, действительно сказывающееся на моральной сфере участников правоотношений. Из приведенного же Конституционным Судом подхода следует, что одного лишь факта родственных отношений (плоскости «родитель — ребенок»)

для целей компенсации морального вреда достаточно, что, повторимся, противоречит сложившемуся подходу Верховного Суда РФ.

Позиция Конституционного Суда в рамках данного дела, вероятно преследовавшего цель защитить ребенка, на практике может породить резонные вопросы: а стоит ли ограничивать круг гарантий ребенка по компенсации морального вреда исключительно случаями смерти отца или матери? Ведь по смыслу положений семейного законодательства ребенок имеет право расти и воспитываться в семье, в которую включены и иные родственники, в том числе бабушки, дедушки, братья и сестры (ст. 54, 55 СК РФ), иногда гораздо более близкие ребенку. Возможна ли компенсация морального вреда ребенку при причинении смерти его потенциальному будущему фактическому воспитателю, супругу или супруге будущего усыновителя? Все указанные вопросы в настоящее время не имеют разрешения, однако вполне допустимо, что практика применения ст. 151 ГК РФ с учетом «духа» анализируемого постановления ответит на них положительно, что приведет к отходу от позиции Верховного Суда РФ, а следовательно, к беспрецедентному расширению оснований для компенсации морального вреда лицам, не испытывающим, по существу, никаких страданий.

Можно допустить также (что, наиболее вероятно, опять же и сделает судебная практика), что при формулировании позиции Конституционный Суд имел в виду не столько страдания, причиненные смертью, сколько страдания, вызванные отсутствием в жизни ребенка его родителя, родственника, иными словами — *нарушением его права жить и воспитываться в семье*. Наличие таких страданий у ребенка и признание их в качестве основания для компенсации было бы, с одной стороны, более соответствующим открытому характеру перечня нематериальных благ и личных неимущественных прав, содержащихся в ст. 150 ГК РФ.

С другой стороны, подобный нарратив, несмотря на свою внешнюю обоснованность и справедливость, достаточно сомнителен, поскольку допустит удовлетворение требований о компенсации морального вреда, причиненного гражданам в связи с виновной гибелью их родителей, случившейся 20, 25 лет назад, что формально возможно с учетом нераспространения исковой давности на такие требования (ст. 208 ГК РФ). Допустимой станет ситуация, когда лицо, осужденное за убийство, например,

в 1997 г. и отбывшее наказание, сейчас может стать ответчиком по иску о компенсации моральных страданий выросшего ребенка убитого им гражданина, который в детстве страдал вследствие отсутствия в живых его родителя.

В указанном контексте опасным становится именно открытый перечень ст. 150 ГК РФ, позволяющий судам самостоятельно «создавать» блага и права, подлежащие защите, и не вводящий при том для такого создания никаких ориентиров. В этом аспекте, к слову, не так давно высказался и Верховный Суд, сформировав подход, также способный привести к универсализации компенсации морального вреда как способа защиты прав граждан, потерпевших от преступлений. Так, примечательно рассмотренное Судом дело о компенсации морального вреда родственникам и опекунам выжившего в дорожно-транспортном происшествии ребенка¹⁹, позиция по которому видится созвучной позиции Конституционного Суда в постановлении от 02.03.2023 № 7-П. В данном деле Верховный Суд допустил возможность компенсировать моральные страдания не только самому потерпевшему, но и иным лицам, испытывающим страдания в результате произошедшего, мотивируя это наличием у них права на уважение семейных и родственных связей. Несмотря на всю свою справедливость, подобный подход всё же опасен не менее тех, что сейчас формулирует Конституционный Суд РФ: возникают вопросы, скольким и каким именно родственникам компенсировать моральный вред при причинении вреда здоровью члену их семьи, компенсировать ли вред только родственникам или это возможно в пользу фактических воспитателей, сожителей, друзей? Право на уважение родственных и семейных связей, кстати, нашло отражение как охраняемое право и в новом постановлении (п. 1), а потому все обозначенные вопросы по-прежнему актуальны.

Знаковым является и дело, в котором Верховный Суд РФ допустил компенсацию морального вреда лицу при причинении смерти его домашнему животному. В качестве аргументов своей позиции Суд подчеркнул два обстоятельства: во-первых, очевидно, по мнению Суда, что между домашним животным и его владельцем формируется крепкая психоэмоциональная связь, характеризующаяся привязанностью,

любовью, а следовательно, «при определенных обстоятельствах гибель животных может причинять их владельцу не только имущественный вред, но и нравственные страдания, в частности в силу эмоциональной привязанности, психологической зависимости, потребности в общении по отношению к конкретному животному»²⁰. Во-вторых, Суд отметил, что свидетельством повышенной охраны животных как особых объектов гражданских прав являются статья 245 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за жестокое обращение с животными, а также статья 137 ГК РФ, вводящая категорию гуманности как требования при осуществлении прав на них. Однако данный подход не был воспринят самим же Судом в новом постановлении, что оставляет открытым вопрос о его применимости в настоящий момент.

Интересно и то, что, как уже было отмечено, Верховный Суд для целей компенсации при нарушении имущественных прав указал на необходимость установления того, что утраченная вещь представляет для ее собственника особую неимущественную ценность и что посягательство на данную вещь должно быть формой посягательства на нематериальное благо или нарушения личного неимущественного права. В то же время, несмотря на внешне успешную попытку высшей судебной инстанции обобщить ранее сформулированные ею подходы в части связи нарушения личных неимущественных и имущественных прав, посягательства на нематериальные блага, сама категория «особой неимущественной ценности» в контексте открытого перечня ст. 150 ГК РФ может толковаться судами весьма спорно и неоднозначно. Так, формально не противоречит подходу Суда удовлетворение требования о компенсации морального вреда, причиненного в связи с хищением унаследованной квартиры, подаренной родителем машины и пр. Получается, что любая связь вещи с семьей является основанием для возмещения моральных страданий в связи с ее гибелью или утратой, что вряд ли отвечает назначению норм о компенсации и вновь допускает расширительное их толкование.

Всё изложенное противоречит принципу правовой определенности, на необходимость следования которому неоднократно обращали внимание сами высшие суды²¹: компенсация

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7.

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2022 № 15-КГ22-1-К1.

²¹ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П.

морального вреда всегда и без подобных конфликтов в их подходах рассматривалась как крайне сложный в применении способ защиты гражданских прав. Доказывание самого основания компенсации моральных страданий, даже возникших от нарушения традиционных личных неимущественных прав и посягательства на нематериальные блага, определение размера компенсации — данные трудности на всем протяжении действия современного ГК РФ сопровождали институт компенсации морального вреда, однако с недавнего времени усилиями Конституционного и Верховного Судов «приправились» еще более значительными проблемами.

Анализ определений Верховного Суда и постановлений Конституционного Суда о компенсации морального вреда свидетельствует о склонности указанных органов подвергать закрепленные в ГК РФ нормы о допустимых случаях компенсации чрезмерно расширительному толкованию, устанавливая иногда прямо не следующие из закона презумпции, освобождающие потерпевших от доказывания факта причинения им физических и (или) моральных страданий, вводить новые нематериальные блага и личные неимущественные права. Налицо попытки судов обойти законодательные нормы, сформировать «лазейки», оправдывающие их собственные небесспорные подходы и свидетельствующие о принятии ими на себя не принадлежащих им нормотворческих функций. Всё это в конечном итоге способно привести к универсализации компенсации морального вреда — возможности использовать данный способ защиты в абсолютно любой ситуации,

когда у потерпевшего наличествуют или могут наличествовать какие-либо страдания.

Важно и то, что в условиях подобного конфликта позиций высших судов и с учетом значения постановлений Конституционного Суда, стоящих по юридической силе выше актов Верховного Суда²², весьма сомнительной становится роль последнего в осуществлении его законных полномочий по обеспечению единообразия судебной практики²³.

Впрочем, видеть причину сложившейся ситуации исключительно в деятельности судов в корне неверно. Определение достоинства как автономного от чести и подлежащего самостоятельной защите нематериального блага (ст. 150 ГК РФ), закрепление открытого перечня как нематериальных благ, так и личных неимущественных прав — всё это стало итогом работы законодателя при разработке и принятии обновленного ГК РФ²⁴. Не вызывает сомнений, что обеспечение комфортного и безопасного существования личности является одной из важнейших задач любого правового и социального государства, однако вряд ли стóит решать ее путем описанного ранее непоследовательного применения правовых положений, создающего риск массовых злоупотреблений и юридической неопределенности.

Следует лишь надеяться на то, что практика применения положений о компенсации морального вреда со временем всё же стабилизируется, достигнет единообразия и некоторая ясность в основаниях ее назначения потерпевшему, утраченная в связи с конфликтами высших судов, будет восстановлена.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Горький, 1974 // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 15–22.
2. *Безроднова Д. В.* Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2014. — 165 с.
3. *Бронникова М. Н.* Гражданско-правовая презумпция по российскому законодательству: содержание, правовые формы и применение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2006. — 26 с.
4. *Булаевский Б. А.* Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. — М. : Инфра-М, 2014.

²² Ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации».

²³ Ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации».

²⁴ Критическая оценка данных положений законодательства выходит за рамки данной статьи и заслуживает самостоятельного исследования.

5. Воложанин В. П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1953. — 15 с.
6. Каменева З. В. Содержание субъективного права человека на честь и достоинство // Адвокат. — 2014. — № 4. — С. 21–23.
7. Качур Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1982. — 216 с.
8. Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Избранные произведения по гражданскому праву. — М., 2003. — С. 53–162.
9. Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. — Душанбе : Ирфон, 1976. — 190 с.
10. Подрабинок Е. М. Особенности гражданско-правовых способов защиты достоинства личности // Пермский юридический альманах. — 2018. — № 1. — С. 258–267.
11. Самородов Д. А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 32 с.

Материал поступил в редакцию 2 мая 2023 г.

REFERENCES

1. Babaev VK. Prezumptsiy v sovetskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Presumptions in Soviet law: Author's Abstract]. Gorkiy; 1974. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2010;4:15-22. (In Russ.).
2. Bezrodnova DV. Chest i dostoinstvo kak teoretiko-pravovye ponyatiya: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk [Honor and dignity as theoretical and legal concepts: historical and legal research: Cand. Sci. (Law) Diss.]. Chelyabinsk; 2014. (In Russ.).
3. Bronnikova MN. Grazhdansko-pravovaya prezumptsiya po rossiyskomu zakonodatelstvu: sodержanie, pravovye formy i primeneniye: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Civil presumption under Russian legislation: content, legal forms and application: Author's Abstract]. Samara; 2006. (In Russ.).
4. Bulaevsky BA. Prezumptsiy kak sredstva pravovoy okhrany interesov uchastnikov grazhdanskikh pravootnosheniy [Presumptions as a means of legal protection of the interests of participants in civil legal relations]. Moscow: Infra-M Publ.; 2014. (In Russ.).
5. Volozhanin VP. Yuridicheskie predpolozheniya v sovetskom grazhdanskom prave i protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal assumptions in the Soviet civil law and process: Author's Abstract]. Sverdlovsk; 1953. (In Russ.).
6. Kameneva ZV. Soderzhanie subektivnogo prava cheloveka na chest i dostoinstvo [The content of the subjective human right to honor and dignity]. *Advokat*. 2014;4:21-23. (In Russ.).
7. Kachur NF. Prezumptsiy v sovetskom semeynom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. [Presumptions in Soviet family law: Cand. Sci. (Law) Diss.]. Sverdlovsk; 1982. (In Russ.).
8. Meyer DI. O yuridicheskikh vymyslakh i predpolozheniyakh, o skrytykh i pritvornykh deystviyakh [About legal fictions and assumptions, about hidden and pretended actions]. In: Selected works on civil law. Moscow; 2003. (In Russ.). Pp. 53–162. (In Russ.).
9. Eugenzicht VA. Prezumptsiy v sovetskom grazhdanskom prave [Presumptions in Soviet civil law]. Dushanbe: Irfon Publ.; 1976. (In Russ.).
10. Podrabinok EM. Osobennosti grazhdansko-pravovykh sposobov zashchity dostoinstva lichnosti [Features of civil law methods of protecting the dignity of the individual]. *Perm Legal Almanac*. 2018;1:258-267. (In Russ.).
11. Samorodov DA. Chest i dostoinstvo po rossiyskomu grazhdanskomu pravu: sotsialnye osnovy i pravovaya kharakteristika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Honor and dignity in Russian civil law: social foundations and legal characteristics: Author's Abstract]. Moscow; 2005. (In Russ.).